

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Идея университета: вызовы современной эпохи

29 февраля 2012 г. в Московском государственном университете печати имени Ивана Федорова состоялось расширенное заседание редколлегии журнала «Высшее образование в России», посвященное 20-летию юбилею издания. Главным событием дня стал круглый стол на тему «Идея университета и вызовы современной эпохи» с участием профессоров высшей школы России – известных специалистов в области образовательной политики. Обсуждались следующие темы:

- Современный университет как объект междисциплинарного дискурса.
- Оценка деятельности преподавателя и измерение эффективности научно-педагогической работы.
- Университетская наука и подготовка научно-педагогических кадров.
- Научный журнал в образовательном поле.

Участники дискуссии: *Антипов Константин Валерьевич* – д. экон. н., ректор (Московский государственный университет печати); *Андреев Александр Александрович* – д. пед. н. (Московский финансово-промышленный университет «Синергия»); *Андреев Андрей Леонидович* – д. филос. н., зав. кафедрой (Всероссийский государственный университет кинематографии); *Балтян Валерий Кононович* – исполнительный директор Ассоциации технических университетов; *Белогуров Анатолий Юльевич* – д. пед. н. (Федеральный институт развития образования); *Болотин Иван Сергеевич* – д. филос. н. (РГТУ им. К.Э. Циолковского); *Бубнов Юрий Павлович* – директор Фонда рыночных исследований; *Вербицкий Андрей Александрович* – д. пед. н., чл.-корр. РАО (МГГУ им. М.А. Шолохова); *Долженко Олег Владимирович* – д. филос. н. (Московский гуманитарный университет); *Донских Олег Альбертович* – д. филос. н., зав. кафедрой (Новосибирский государственный университет экономики и управления); *Есенькин Борис Семенович* – д. экон. н., президент НП «Гильдия книжников»; *Жураковский Василий Максимилианович* – д. пед. н., академик РАО (Национальный фонд подготовки кадров); *Задорожнюк Иван Евдокимович* – д. филос. н. (журнал «Социология образования»); *Зборовский Гарольд*

Ефимович – д. филос. н., декан (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург); *Зернов Владимир Алексеевич* – д. техн. н., ректор (Российский новый университет); *Иванов Василий Григорьевич* – д. пед. н., проректор (Казанский национальный исследовательский технологический университет); *Ивахненко Евгений Николаевич* – д. филос. н., зав. кафедрой (Российский государственный гуманитарный университет); *Кирабаев Нур Серикович* – д. филос. н., проректор (Российский университет дружбы народов); *Кузнецова Наталия Ивановна* – д. филос. н. (Российский государственный гуманитарный университет); *Лукашенко Марианна Анатольевна* – д. экон. н. (Московский финансово-промышленный университет «Синергия»); *Мануильский Максим Анатольевич* – зам. главного редактора (журнал «Человек»); *Мариносян Хачатур Эмильевич* – шеф-редактор (журнал «Философские науки»); *Медведев Валентин Ефимович* – зав. кафедрой (МГТУ им. Н.Э. Баумана); *Ненашев Михаил Федорович* – профессор (Московский государственный университет печати); *Никольский Владимир Святославович* – д. филос. н., зав. кафедрой (Московский государственный индустриальный университет); *Новиков Александр Михайлович* – академик РАО; *Порус Владимир Натанович* – д. филос. н., зав. кафедрой (НИУ ВШЭ); *Пружинин Борис Исаевич* – гл. редактор (журнал «Вопросы философии»); *Сазонова Зоя Сергеевна* – д. пед. н. (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет); *Сапунов Михаил Борисович* – гл. редактор (журнал «Высшее образование в России»); *Сенашенко Василий Савельевич* – д. физ.-мат. н. (Российский университет дружбы народов); *Силласте Галина Георгиевна* – д. филос. н. (Финансовый университет при Правительстве РФ); *Шеремет Александр Николаевич* – проректор (Московский государственный университет печати); *Шестак Валерий Петрович* – д. техн. н. (Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»); *Щедрина Татьяна Геннадиевна* – д. филос. н. (Московский педагогический государственный университет); *Шипетина Александра Гановна* – вице-президент Российского книжного союза; *Шолохов Андрей Борисович* – гл. редактор (газета «Вузовский вестник»).

Ведущие круглого стола: Сапунов Михаил Борисович, главный редактор журнала «Высшее образование в России», и Кузнецова Наталия Ивановна, профессор РГГУ.

Вниманию читателей предлагается стенограмма выступлений участников.

К.В. Антипов: Уважаемые дамы и господа! Дорогие коллеги! Разрешите от имени ректората нашего университета и студенчества поприветствовать вас в стенах Московского государственного университета печати. Сегодняшняя встреча приурочена к знаменательному событию в жизни нашего университета и высшей школы Российской Федерации – 20-летию юбилею замечательного журнала «Высшее образование в России» – одного из ведущих российских журналов в сфере образования. Разрешите начать с официальных слов приветствия, которые поступили в адрес университета и редакции журнала. Позвольте присоединиться к высказанным здесь поздравлени-

ям и пожеланиям и начать наш сегодняшний круглый стол. Передаю бразды правления Вам, Михаил Борисович.

М.Б. Сапунов: Дорогие коллеги! У нас в этом году запланирована серия круглых столов, приуроченных к 20-летию журнала. В прошлом году мы ее начали в Новосибирске вместе с журналом «Философские науки». Итоги нашей встречи были опубликованы в новосибирском журнале «Идеи и идеалы». Главный редактор – Донских Олег Альбертович – присутствует на нашем собрании. Совсем недавно мы провели круглый стол вместе с Институтом философии, журналами «Вопросы философии» и «Че-

ловек» на тему «Моральный кодекс исследователя и нравственные основания педагогической деятельности». Во втором и третьем номерах нашего журнала, а также на сайте журнала «Вопросы философии» представлены результаты обсуждения этих весьма актуальных вопросов.

Сегодняшнее торжественное собрание мы решили провести в стенах Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова, поскольку этот вуз является соучредителем журнала «Высшее образование в России». И спасибо большое Константину Валерьевичу за помощь в организации нашего мероприятия.

Об университете за 800 лет его существования сказано очень много, и на самых разных языках. Сегодня эти языки множатся, и важно не утратить этот дискурс. Я имею в виду языки наблюдения, описания и объяснения: социологический, философский, педагогический, культурологический и т.д. Носители этих языков присутствуют сегодня здесь: это доктора наук, профессора философии, экономики, социологии, педагогики, и мы обращаемся к вам, чтобы вы рассказали нам о том, что такое современный университет.

Еще один момент, на котором я хотел бы специально остановиться. В социально-гуманитарных исследованиях научный метод – «объектный подход» – реализуется несколько иначе, чем в науках типа «science». Процессы объективации предметной реальности, как утверждает современная философия науки, здесь осуществляются при существенном влиянии ценностей, интересов, социальной позиции «говорящего» – места, которое он занимает в системе общественных отношений и из которого говорит. В нашем случае это означает, что университет как предмет исследования по-разному выглядит в разных перспективах, определяемых местом субъекта речи в структуре образовательного пространства – будь то позиция администратора, менеджера или

позиция преподавателя, студента, заказчика. Важно учитывать, кто говорит и откуда. Ведь очень часто то, что можно увидеть с одной позиции, не видно с другой. К примеру, с позиции менеджера тормозом образовательной реформы является пассивное сопротивление преподавательского корпуса – ему вообще мешает неуправляемый «человеческий фактор». С этим вряд ли согласится профессор – у него свое мнение на этот счет, своя идеология. А есть еще интересы других, как принято говорить, «заинтересованных сторон» – у них свой образ «должного». И это нормально, это нормальный для социальной реальности конфликт интересов, который нужно хотеть и уметь диалектически разрешать. Ненормально другое – когда при формировании образовательной политики учитываются интересы только одной из сторон.

Итак, когда мы рассуждаем об образовании, мы говорим с какой-то позиции, из какого-то места, топоса. Сегодня у нас собрались действующие, с огромным опытом университетской жизни, профессора. И я хотел бы призвать вас поговорить о современном университете на своем дисципли-

нарном языке, но с определенной социальной позиции – позиции преподавателя – о том, как профессору живется в современном университете. Однако прежде чем говорить с этой, своего рода феноменологической позиции, оргкомитет решил предоставить слово профессору РГГУ, члену редколлегии нашего журнала **Ивахненко Евгению Николаевичу**, который подготовил доклад на тему «Основные тренды современного образования и судьбы российского вуза».

Е.Н. Ивахненко: Название моего доклада объявлено. Основная формула выступления: чтобы приблизиться – нужно отдалиться. Иначе говоря, чтобы понять, как меняется российский вуз и каково место в нем конкретного преподавателя, для этого необходимо разобраться в том, что происходит в мировом образовательном пространстве в целом. Поэтому я хотел бы рассказать об основных трендах современного образования, а также о том, какое место в них занимает реформа высшего образования в России.

В первую очередь отмечу прискорбный факт: университет гумбольдтовской конфигурации в руинах. Уже в начале 90-х гг. итог разрушения гумбольдтовского университета был подведен канадским исследователем образования Биллом Ридингсом в его книге

«Университет в руинах». Что это означает? Собственно университет как сосредоточие разума и центр воспроизводства национальной культуры, для которого скрепляющим началом служила либо философия (по Канту), либо литература (оксфордско-кембриджская модель – Ньюмен, Арнольд), либо литературоведение и сочинительство, призванные сформировать либерального субъекта, сориентированного на соблюдение общественного договора (американский университет), – сегодня такой университет XIX – первой половины XX вв. в руинах. Во всяком случае, он утратил прежнюю легитимацию и прежнюю свою миссию. Соответственно, он утратил первоначально заявленные цели, значения и смыслы.

Заявлена новая концепция университета – *“University of excellence”* (университет превосходства, совершенства, высокого качества). Основной месседж: университет больше не служит местом концентрации и воспроизводства национальной культуры. Он превращается в подобие бизнес-корпорации.

Заявлена новая концепция университета – *“University of excellence”* (университет превосходства, совершенства, высокого качества). Основной месседж: университет больше не служит местом концентрации и воспроизводства национальной культуры. Он превращается в подобие бизнес-корпорации.

Само назначение и значение образования не определяются здесь границами национальных интересов. Поскольку национальные государства уже не являются основным местом воспроизводства капитала, университет в условиях глобализации превращается в бюрократическую бизнес-корпорацию, в идеале развивающуюся в транснациональную корпорацию. И если миссия гумбольдтовского университета – производить знания о культуре (исследования) и одновременно воспроизводить их (обучение), то «университет превосходства» (а именно так, по моему мнению, следует переводить *“excellence”*, т.е. в категориях западной культуры – превосходства и силы) – это место развития *человеческих ресурсов*, человеческого капитала. Теперь уни-

верситет производит труд (исследования) и обучает труду (преподавание). Таким образом, переопределяется и то, кем предстает в обществе знания выпускник вуза. Теперь это, по определению Диджи Роджеро из университета Болоньи, «когнитивная рабочая сила».

Предлагаю кратко рассмотреть основные тренды реформирования высшего образования в США, Канаде, Австралии, которые наметились за последние 20–25 лет. Я выделяю только несколько признаков западноевропейской и американской реформы университета, а именно те из них, которые можно сопоставить с наметившимися тенденциями реформирования российского высшего образования.

Первый признак – повсеместное внедрение эффективного академического менеджмента, влекущего за собой агрессивное рыночное поведение как всего вуза/корпорации, так и его структурных отделений (факультетов, трансдисциплинарных центров). Конкуренция вузов осуществляется по типу конкуренции предприятий.

Второй признак – описание деятельности профессорско-преподавательского состава в терминах менеджерской деятельности. Если выпускник вуза определяется как «когнитивная рабочая сила», то преподавательская деятельность признается успешной по критериям конкурентоспособности: привлечения грантов, индекса цитирования, участия в успешных PR-проектах, рекламной деятельности вуза. Сюда же можно отнести известность, популярность, сотрудничество со СМИ. Университеты работают на свой бренд: имеют/приобретают свои «телевизионные головы», привлекают эффективных менеджеров, специалистов по рекламе и маркетингу, активно разрабатывают собственную массмедийную концепцию.

Следующий, третий признак – это доминирование фигуры администратора, академического менеджера над ППС. Потенциал/капитал/ресурс университета оп-

ределяется его конкурентными возможностями в сфере предоставления образовательных услуг. При этом отношения «преподаватель – студент» выстраиваются в значительной степени в ключе клиентальных отношений с сопутствующей борьбой за студента/клиента.

И, наконец, такой признак, как инновационность. Достичь высоких показателей по этому критерию – означает продемонстрировать способность вуза находить/открывать/создавать в основном негосударственные источники финансирования. Следуя этому направлению, университет на «рынке производства знаний» создает трансдисциплинарные центры, вступая в альянс с различными организациями, фондами, экспертными агентствами, предприятиями по производству товаров, услуг, медиапродуктов... Знания теперь движутся по кратчайшей траектории как в одном направлении (из университета в производство), так и в обратном (из производства в университет). Желание получить инвестиции порождает постоянно расширяющуюся периферию развития – один из пяти ключевых элементов так называемого «проактивного» университета. Университет те-

перь не башня из слоновой кости — все более значительная часть обучения выносятся за его стены.

Университет сегодня немислим без широкого спектра PR-акций. Активно внедряются технологии по укреплению репутации, имиджа, в конечном счете — капитала. Для продвижения университета на профильном институциональном рынке — труда, инвестиций, финансов — теперь необходимы PR-кампании, PR-мышление, PR-профессионалы.

Как на этом фоне выглядят первые шаги по созданию образовательных бизнес-корпораций в России?

В целом политические цели руководства РФ сегодня ориентированы на соответствие мировым образовательным трендам. Можно даже сказать, что мы — преподаватели и администраторы российских вузов — вовлечены в догоняющие стратегии, инициированные Правительством и Минобрнауки РФ. Сегодня ведется активное строительство традиционной для России структуры проведения реформаторских решений по вертикали — сверху вниз. Так, в практику вузов вводятся требования и критерии, внешне весьма схожие с некоторыми европейскими моделями управления образованием государственными агентствами: единые измерительные шкалы, стандартизированные форматы, единые принципы организации. Например, модель, принятая в 2002 г. в Шотландии, рекомендует выработать «единое шотландское видение», в котором должны работать такие категории, как «совершенство», «превосходство», «высокое качество». Однако плотная государственная опека университета по российскому типу включает в себя также две сопутствующие идеи, а именно: «Не упусти тотальный контроль» и «Что есть у одних, должно быть у других».

Отдельную позицию оставляет за собой Высшая школа экономики, где действительно живет дух бизнес-корпорации. При всем том НИУ ВШЭ представляется чем-

то вроде отдельного острова нашего образования, не желающего соединяться никакими мостами с континентом. Этот вуз, судя по всему, вполне убедительно выполняет задачу витрины российских реформ, похожую на ту, которую когда-то выполняла ВДНХ, реально не имеющая ничего общего с положением дел в колхозах и на предприятиях 30–50-х гг.

На сегодняшний день можно сказать, что в российском образовании укореняется не столько менеджмент, сколько администрирование по традиционному типу. Практически любое решение министерства или чиновника из Минобрнауки доминирует над реальной и потенциальной коллективной договоренностью непосредственных участников образовательного процесса — руководства вузов, ППС, студентов, родителей и работодателей. Здесь отсутствуют коммуникативные площадки, не работают лифты идей, административных решений, денежных вознаграждений, карьер. Похоже, что такая проблема — принять в расчет коммуникацию согласованных решений снизу — для МОН вообще не существует. А между тем само существо эффективности и успешности мировых трендов образования коренится как раз в этом пункте отношений — как между государством и вузом, так и внутри вуза — между администрацией и отделениями (факультетами, центрами).

Наметился еще один российский тренд — это укрупнение вузов посредством слияния и, соответственно, уменьшение их количества. По этому поводу четко и непоколебимо озвучена позиция Президента, премьер-министра и Министерства образования и науки. Выстраивается старая, как мир, схема: укрупнение, массовизация, установление жестких вертикальных связей, безапелляционное главенство чиновника при одновременном подавлении влияния горизонтальных связей, коммуникаций, договоренностей. Все это, с моей точки зрения, конечно же, ведет к вполне ожидае-

мому и весьма плачевному результату. Этот российский тренд также связан со сквозным контролем знания из единого центра: ЕГЭ в школе, в ближайшей перспективе – в бакалавриате и, чем чёрт не шутит, в обозримом будущем – в магистратуре. То есть – создание вертикальной структуры экспертной оценки, в которой в конечном счете просматривается типичная для модели госрегулирования логика поиска эффективности.

Каким представляется сценарий ближайших преобразований университетов в России? Небольшая справка: в России более 1100 высших учебных заведений, вместе с филиалами их около 3000. Из них 600 государственных и более 400 – негосударственных. Наиболее вероятный сценарий – это создание жесткой иерархии государственного финансирования в зависимости от полученных от государства же статусов различных вузов: «привилегированных», «непривилегированных», «всех остальных».

Привилегированные вузы. Движение в данном направлении рывками осуществляется уже с начала 2000-х. За прошедшие 10 лет объявлялось несколько проектов по созданию привилегированных вузов, которые, по замыслу, призваны были вывести из тупика вузовскую науку. Так, в 2002 г. была предпринята попытка создать группу «ведущих» вузов, которая закончилась ничем. В 2006 г. в рамках проекта «Образование» по конкурсу было отобрано 57 вузов, которым было присвоено звание «инновационных». Некоторые из вузов-победителей уже подготовили свои проекты и даже запустили их, но финансирование было прекращено, и, главным образом, не из-за отсутствия денег, а из-за отсутствия самой содержательной идеи. Третья попытка была предпринята в 2009 г., когда по конкурсу было определено 12 «исследовательских» университетов, к ним добавлены в результате укрупнения/слияния 8 федеральных университетов.

До сих пор мы не располагаем данными мониторинга первых результатов организационных мер, связанных с увеличенным размером финансирования группы привилегированных вузов. Если же сопоставлять принятые управленческие решения в России с основными мировыми трендами, то возникает сомнение в эффективности соотношения дополнительно выделенных средств и полученных результатов. Неудивительно само по себе то, что мы не располагаем даже индикатором результатов административного менеджмента на этом уровне, и трудно сказать, появится ли такой индикатор в обозримом будущем. Здесь, скорее, мы имеем дело с политической волей, для воплощения которой в нашей стране по традиции «никто денег не считает». Как и во многих других случаях, ставка на вертикаль управления, прямое администрирование из единого центра не позволяет развиваться инициативе снизу – предлагать и, главное, реально осуществлять полноценные инновационные программы самим вузам и их отдельным структурным подразделениям. Принятая модель госрегулирования реформой свидетельствует о том, что государство стремится построить контроль за бюджетным финансированием университета так, чтобы «ни одно доброе дело не осталось безнаказанным».

Непривилегированные вузы. В финансовом обеспечении эти вузы переводятся на «голодный паек». По разным данным, таких вузов должно остаться от 300 до 350, возможно – до 500. Как бизнес-корпорациям им будет предложена борьба за выживание в заведомо неравных с привилегированными вузами условиях. Большинство участников нашего круглого стола представляют вузы, отнесенные к этой категории.

И, наконец, третья категория вузов – «все остальные». В эту группу попадают созданные в 90-х гг. небольшие негосударственные, а также некоторые региональные

вузы, включая бывшие областные педагогические институты. Вполне симптоматично то, что в риторике чиновников МОН четко прослеживается категория виновных в резком понижении уровня качества высшего образования в стране за последние два десятилетия. «Козлами отпущения», судя по всему, назначены негосударственные («коммерческие») вузы. Вообще вузы, размещившиеся в третьей группе («все остальные»), поставлены в чрезвычайно сложные условия выживания, над ними постоянно нависает угроза закрытия. Для этого Рособнадзору достаточно незначительно изменить требования к аккредитации или к кадрово-финансовым показателям. По сути, им предписано «тихое умирание» и отводится роль суррогатов образования. Между тем в мировых трендах небольшие региональные вузы вовсе не рассматриваются как нечто нежелательное в системе образования. Они могут весьма эффективно использовать финансовые инструменты на региональном и национальном уровнях, а некоторые из них, как, например, финский университет Йозенсуу, с небольшим трехэтажным главным корпусом и спортивной площадкой перед ним, становятся в ряд мировых лидеров в своем кластере образования.

По моему наблюдению, решение о «зачистке мелких вузов» вкупе с механическим укрупнением отдельных университетов можно поставить в один ряд с такими решениями руководства страны, как отмена зимнего времени или установление нулевого уровня алкоголя («нулевого промилле») для водителей. Похоже, что дело представляется так: руководителям высшего звена оказалось не по силам преодолеть инерцию вертикального администрирования, не по силам также решать сложные системные задачи, зато не составляет труда показать, как можно снять проблему одним указом — и воля руководителя просматривается, и эффект почти мгновенный. На самом же деле от таких спорадических

решений чаще всего не следует исправление положения дел, а рождаются одни только схемы перенаправления финансовых потоков в головах коррупционеров всех уровней.

В заключение своего выступления я хотел бы поставить на обсуждение несколько вопросов. Действительно ли произошла руинизация российского вуза — по аналогии с руинизацией европейских и американских университетов? Может ли российский вуз полностью отказаться от своей культурной миссии — служения государству, России? Может ли он отказаться от своей задачи — формирования национального субъекта, гражданина? Судя по предвыборным заявлениям правящей партии и заявлениям четырех из пяти кандидатов в президенты, Россия не разделяет и не должна разделять в полной мере ценности и геополитические устремления Запада. Исходя из этого, вполне вероятно, что миссия и легитимация российского университета на ближайшие 5–6 лет будут иными, отличными от обозначенных мировых трендов. Но что тогда следует ожидать от реформы, каковы ее собственно российские задачи и цели? Какому типу бизнес-корпорации уподобляется российский университет — Газпрома, Роснефти или же какой-то иной госструктуры? Возможен ли мониторинг первых шагов реформы образования и своевременная ее корректировка? До сих пор результаты таких и подобных им действий в ходе реформирования образования не предавались гласности. Или же они не определялись вовсе?

Таким образом, российская политика последнего десятилетия в области высшего профессионального образования в целом направлена на внешнее соответствие основным трендам развитых стран Европы, Азии и Америки. В общем виде российские реформы высшего образования демонстрируют волю руководителей страны и профильного министерства адаптировать отечественные вузы к текущему историческому кон-

тексту. Однако российским начинаниям сверху и российскому университету снизу недостает последовательности действий, ясности целей, включения в организационные проекты реформы анализа и выводов, сделанных из успешного или неуспешного опыта прошлых реформ, историко-культурной укорененности реформаторских решений, механизмов коммуникативного принятия решений и последующей их коррекции. *У нашей реформы короткая воля и короткая историческая память.*

К сожалению, слишком много оснований для тревоги за судьбы российских вузов. Реформа высшего образования в современной России рискует остаться в памяти потомков фрагментарной, поверхностно-подражательной и межеумочной, т.к. осуществляется большинством ее участников без ясного понимания картины в целом, ее целей и задач – того, куда движется российский вуз.

В.М. Жураковский: Уважаемые коллеги! Волею судьбы я оказался внутри нашей системы реформирования высшего образования, в частности, вовлечен в процесс создания группы инновационных вузов, национальных исследовательских и федеральных университетов, двух вузов с особым статусом – МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, участвую в процессе систематического мониторинга реализации программ стратегического развития этих ведущих университетов. Полемизировать в целом с докладчиком я не буду, потому что о конечных результатах судить преждевременно, тем более в условиях значительной разницы в потенциале этих вузов, их профильной направленности и региональных различиях.

Действительно, шаги по стратификации вузов предприняты по инициативе сверху. Логика тех, кто принимал решения о включении в приоритетный Национальный проект по образованию сегмента «Формирова-

ние ведущих вузов», достаточно очевидна. Состояние нашей экономики по многим, в том числе и по уважительным причинам, имеет все признаки кризисности, поэтому принцип остаточного финансирования социальной сферы, образования вообще и высшего в частности, к сожалению, существует как объективная реальность. Отсюда и принятое решение – поддержать наиболее сильных и создать некий массив вузов, которые могут развиваться в относительно комфортных условиях, сохранить имидж российского высшего образования и поделить тем, что достигнуто, со всеми остальными. Вот такая была благая цель – исходя из очень ограниченного ресурса.

Сказать, что попадание в категорию «ведущих вузов» очень волюнтаристское, я не могу. Не могу сказать также, что всегда испытывал полное удовлетворение от того, как проходили конкурсные процедуры отбора, но все-таки это были реальные конкурсы, и на 75–80% они были объективны. В категорию ведущих университетов попали Московский и Санкт-Петербургский университеты. Бесспорно, они занимают

свое место с особым статусом совершенно заслуженно, поскольку интегрированы с академическими учреждениями, у них высокий научный потенциал, традиционно широкие международные связи. Они получили полную автономию, выдают собственные дипломы, имеют несколько миллиардов рублей на свое развитие. Хотя это вовсе не золотой дождь. Все остальные федеральные университеты получают по миллиарду в год в течение трех лет. Те университеты, которые стали федеральными уже с 2002 г., – Южный и Сибирский, с 2011 г. вообще не получают федеральных денег и выполняют свои программы развития за счет собственных ресурсов. Созданные заново шесть других федеральных университетов получили по миллиарду на пять лет, национальные исследовательские университеты – по 100–450 млн. рублей в год, и они будут ресурсно поддерживаться в течение пяти лет.

Вы прекрасно понимаете, что эти ресурсы весьма ограничены, и ждать от них серьезной отдачи не приходится. Но это определенный стимул, и какие-то значимые для вузов адресные задачи развития удаётся решать. Так, в части образовательной деятельности реализуются новые образовательные программы. Отмечу, что эти университеты получили право разрабатывать собственные образовательные стандарты и работать по ним. Те университеты, которые имеют серьезные научные школы, пытаются формировать новые перспективные направления подготовки. К сожалению, право работать по своим стандартам используется ограниченно, часто собственные стандарты являются модификацией федеральных стандартов с новыми требованиями в отношении кадров, материальных условий реализации программ, обязательного включения практической подготовки или инновационной деятельности. Это логичные и нужные вещи, но это не прорывные стандарты, которые бы привели к чему-то радикальному. Деньги, выде-

ленные на программы развития, в основном тратятся на совершенствование материально-технической базы; 75–80% всех средств идет на приобретение оборудования. В федеральных университетах имеется ещё одна заметная статья расходов – развитие кампусов и создание более комфортных условий.

Ведется ли какой-то мониторинг оценки эффективности программ развития этих вузов? Ведется, и достаточно систематически. Часть мониторинговых материалов по исследовательским университетам, например, опубликована в 11-м номере журнала «Высшее образование в России».

Потеря «третьей» – социальной – роли университетов, которая в западном мире теряется с превращением их в бизнес-корпорации, является реальной опасностью и для нас, мы об этом помним. Связь с гражданским обществом, вклад в развитие социальной сферы регионов оцениваются наряду с вкладом федеральных университетов в монетарную составляющую, в интеллектуальный потенциал региона или отрасли. Проводились специальные социологические исследования социальной роли по Южному и Сибирскому федеральным университетам, результаты которых показали, что в своих регионах эти вузы оказывают заметное влияние на всю систему образования. Они выполняют функции центров экспертизы и мониторинга социальных процессов, а через проводимые мероприятия в области профориентации молодежи, спорта, через творческие конкурсы, собственные СМИ играют заметную роль центра социальной жизни. Университеты выполняют и функцию распространения инноваций в гуманитарной сфере, участвуют в Форсайт-исследованиях, что очень важно для регионов. Повышение имиджа регионов в значительной мере также зависит от университетов; исследовательские и особенно федеральные университеты прилагают к этому значительные усилия. Например, Дальневосточный федеральный университет – это своеобразное окно в

Азиатско-Тихоокеанский регион: в нем действуют 15 совместных с зарубежными странами культурных центров, есть филиалы за рубежом, обучается значительное количество иностранных студентов. Активно работающие вузы в немалой степени формируют и инвестиционную привлекательность региона.

Насколько серьезно влияет на развитие университетов создание для них особых условий? Повысить свой имидж на международном уровне, заметно продвинуться в глобальных рейтингах пока не получается. Те ресурсы, которые в эти вузы вкладываются, неизмеримо малы по сравнению с теми, что получают ведущие, например китайские, университеты. И ждать здесь чего-то революционного сложно. Университеты ставят перед собой задачу попадания в международные рейтинги. В частности, на конец 10-летнего периода все они запланировали попасть в рейтинг Таймс на 300–400-е места. Приведу пример. Очень динамично развивается Дальневосточный федеральный университет, которому очень повезло – он получает новый кампус на о. Русском, в него вкладываются огромные ресурсы. Тем не менее ему будет очень трудно попасть на запланированное 300-е место. Для сравнения: в 2011 г. количество публикаций в ДВФУ – 196, а в занимающем 300-е место Университете Южной Англии – 1930, годовой объем научных исследований – соответственно 457 млн. рублей и 6 млрд. 900 млн. рублей (в пересчете на наши деньги). Очевидно, что необходимо всемерно развивать потенциал университетов, что невозможно без серьезных инвестиций и кардинального изменения отношения к университетам со стороны территорий, на которых они работают.

Минобрнауки намерено и дальше осуществлять процесс поддержки программ развития вузов. К сожалению, многие из них не умеют грамотно строить стратегию своего развития. Те вузы, которые сумели представить относительно удобоваримую

программу стратегического развития, поддержанную ресурсами и имеющую реальные индикаторы оценки, на конкурсной основе получили дополнительное финансирование по 100 млн. рублей в год. На мой взгляд, такая адресная поддержка вузов, которые могут обеспечить заметную динамику в интересах регионов и отраслей, имеет право на существование. Разные вузы с разными результатами пользуются своим привилегированным положением, но дай Бог всем им успехов в своём развитии.

М.Б. Сапунов: Я предлагаю от таких высоких материй перейти к проблемной рефлексии, в которой нет равных *Кузнецовой Натальи Ивановне*.

Н.И. Кузнецова: Когда университет выступает как объект социологических, экономических, статистических и тому подобных исследований, мы получаем возможность выявлять динамику цифр, рассматривать общие тренды, сопоставлять экспертные оценки приведенных данных. Спасибо Евгению Николаевичу за очень информативный доклад в рамках такого дискурса.

Я же хочу представить совершенно иной дискурс, появиться в иной роли. Хочу выступить в режиме «прямой речи», т.е. высказаться просто от себя лично, отталкиваясь от опыта обычного, рядового, действующего профессора. Спасибо огромное редколлегии журнала «Высшее образование в России» и его главному редактору за то, что их усилиями на самом деле создано то коммуникативное пространство, та дискуссионная площадка, где реализуется режим «прямого высказывания». А это, замечу, крайне редко встречающаяся возможность!

С моей точки зрения, искусство лектора – совершенно уникальное мастерство, сочетающее в себе три ипостаси. Первая – драматургия, потому что именно ты решаешь, какова должна быть «пьеса», которая

раскрывает ту или иную тему. Вторая – режиссура, потому что именно ты решаешь, как именно поставить «пьесу», как раскрыть тему. Третья – актерство, так как надо еще войти в конкретную аудиторию и исполнить свою роль, т.е. быть настоящим актером.

Каждый практикующий лектор согласится с тем, что иногда чувствуешь: «пьеса» слабовата, надо бы дописать ее, додумать. Иногда понимаешь: сегодня ты не в форме, просто физически устал, например, и как актер явно не блещешь. Я говорю об очевидностях: 90 минут простоять перед аудиторией нелегко. А это только одна «пара». Редко кто из нас ограничивается за один приезд в вуз одной «парой», в основном наш режим – две или три «пары» с перерывом в 15 минут. Неосознание физической нагрузки лектора удивительно!.. Представьте также, что первая «пара» по этике, вторая – по философии науки, а третья – по теории аргументации. От «Гамлета» Шекспира – через 15 минут – к «Вишневному саду» Чехова, а напоследок еще – веселый мюзикл. И мы справляемся и почему-то не ропщем. А иногда – увы! – «режиссура» подвела, и даже актерское обаяние полностью не срабатывает. Думаю, присутствующие понимают, что я работаю в гумбольдтовской модели университета, романтической модели «высокой миссии».

Разумеется, я очень стараюсь, чтобы все перечисленные ипостаси лекторского мастерства были на высоком уровне. Но их трудно сочетать. Была ли мне, лектору, оказана хоть какая-то помощь, чтобы можно было успешно реализовать высокую миссию Педагога высшей школы? Вопрос, как понимаете, риторический. За последние годы (или вообще хоть когда-нибудь) хоть один чиновник из Министерства науки и образования подумал о том, как можно сочетать перечисленные мною ипостаси? Конечно, нет, и каждый из профессоров это знает.

У нас в стране профессия актера очень

уважаема. Представьте на минутку, что актер пришел на спектакль в театр (да пусть даже в деревенский клуб!), а там – нет гримерки... А в туалет актер должен пойти вместе со зрителями, постояв там, кстати, в очереди?.. Вы думаете, нормальный актер будет в таких условиях работать? Нет, он откажется в самой грубой форме работать в предлагаемых условиях. И если он устроит настоящий скандал, все сочтут это нормальным. А мы, лекторы, в таких условиях работаем ежедневно. Нет и не планируются в учебных заведениях ни комнаты отдыха (кофе попить без очереди, ноги вытянуть в кресле, перевести дух), ни какое-то подобие «гримерки»... И мечтать не приходится!

Зато в последние годы на лектора была спущена (сверху) очередная задача, прибавилась еще одна функция – быть «рабочим сцены». Весь иллюстративный материал я должна добыть сама (и никто не поможет!), все презентации я должна делать сама... А еще написать (совершенно бесплатно!) бесконечные учебно-методические комплексы, перечислив новейшие образовательные технологии, которые я использую в процессе преподавания...

Моя «технология» очевидна: свои сумки я вынуждена менять раз в полгода по той причине, что они рвутся, будучи неподъемными, и требуют от меня приличной физической подготовки. Почему так? Да потому что в сумках я ношу то ноутбук, то книжки, фотографии (в рамочках) персонажей моих «пьес» и т.д. и т.п. Совершенно очевидно, что профессорство – труд героический, причем в прямом смысле слова. Потому что противостоять потоку бесконечно меняющихся правил игры, инструкций, требований, которые несутся в университет и ко мне лично, может только герой. Иногда кажется, что прорвало плотину, а я стою, раскинув руки, и пытаюсь этот поток удержать, чтобы миссия университета, российского высшего образования в целом не оказалась окончательно утоплен-

ной. Но таких россиян – романтические мы люди – к счастью для наших студентов, достаточно много.

Что касается заработной платы, то, кажется, не стоит даже об этом говорить... все смирились, даже мы сами. И все же следует отдавать себе отчет, какова динамика этого неуклонного падения. Как бы хотелось честных, а не «лукавых» цифр, рациональной статистики, трезвых экспертных оценок. Увы! В начале учебного года, когда было публично объявлено о повышении зарплат в вузах на 30%, после подписания трех бумаг относительно моей профессорской, базовой ставки (она составляла 6 530 рублей, согласно подписанному трудовому договору), зарплата была повышена на 200 рублей. В масштабах страны, думаю, это выглядело весьма солидным «дополнительным финансированием». Остальное в каждом университете доплачивается в виде надбавок, которые обладают удивительными качествами: то появляются, то исчезают. В нынешнем учебном году из моих надбавок исчезли вначале 6000 рублей, а в январе – еще 3000 рублей. Таким вот образом профессура просто поставлена перед фактом этого лишения – в один прекрасный день, «без объявления войны» и предъявления каких бы то ни было претензий к проводимой научно-педагогической работе.

Профессорско-преподавательский состав (ППС) находится на нижней ступеньке социальной лестницы, и сегодня, скажем, учителя московских школ получают вдвое больше меня, доктора наук, профессора. Я искренне рада за коллег. Школьный труд – очень тяжелый. Но, друзья мои, бытует шутка, которую вы хорошо знаете: «В нашей стране надо *очень долго* учить-

ся, чтобы потом *очень мало* получать». Это про нас с вами.

Еще забавная деталь в связи со школами. Я прочитала в одной из местных, московских, газет, что до конца текущего года наш мэр Сергей Семенович Собянин обещал бесплатно снабдить ноутбуками всех школьных учителей Москвы. Это замечательно! Но... Зачем каждому школьному учителю ноутбук, как вы думаете? Наш мэр уточнил: «Теперь все учителя смогут вести электронный журнал и правильно оформить отчетность». Вы все хорошо знаете, что эта идеология нас тоже касается. Неужели – хочется зарыдать! – у педагога нет более насущных задач для использования персонального компьютера?!

В докладе Евгения Николаевича, который мы только что выслушали, я бы хотела особенно подчеркнуть следующий тезис: не существует *никакого лифта идей или педагогических находок снизу вверх!* Никакого движения снизу вверх, только сверху вниз, прямо по законам гравитации. Допустим, я осмелюсь спросить у администрации вуза: «Почему же при такой нагрузке (754 часа в данном году) у меня такая маленькая зарплата, даже меньше, чем в первом семестре?» Ответ ясен: «Таковы условия, в которые поставлен вуз». Как при этом на подобные «склочные» вопросы реагируют?

«Бунт, шантаж, давление, почему вы не понимаете, в каких условиях мы оказались...» Такая милая мелодия шарманки...

Более того, когда я выступаю в режиме «прямой речи» и говорю о таких проблемах, мне в ответ приводят цифры официальной статистики, и я собственными глазами вижу неуклонный рост чего-то, главное, конечно, – всяких модернизационных процессов. И когда я пытаюсь мирно объяснить, какая у меня зарплата («Хотите, покажу расчетный листок из бухгалтерии?»), мне отвечают: «У нас другие цифры».

Трудно забыть, как министр труда Починков в телевизионной передаче так и сказал про преподавателей вузов: «Знаем мы ваши доходы!». Впрочем, Андрей Фурсенко, хоть и осторожнее, но рассуждает ровно так же: «У нас другие цифры! А если кто-то где-то... то не наша в том вина».

А я, рядовой профессор, иногда готова измученному и голодному студенту 500 рублей из собственного кармана выдать, лишь бы он хорошо подготовился и сдал зачет. Потому что знаю: по ЕГЭ молодой человек поступил, а без стипендии не прокормишься, если родители не могут его содержать. 90% студентов работают в каких-то фирмах, где отсутствовать нельзя, и сосредоточиться на учебном материале возможности не имеют. У меня нет никакого повода брать у студентов взятки. Я готова из кожи вон лезть, чтобы они что-то выучили. Нет! По мнению чиновников, я – коррупционер, и вся страна знает, что по уровню коррупции сфера образования одна из самых-самых передовых. Вот вам и другой – чиновничий – дискурс. Там сверху картина совершенно иная, чем у рядового преподавателя.

Что такое отсутствие обратной связи? Своевременно и точно Евгений Николаевич напомнил и подсказал эти слова: все становится хрупким и неустойчивым. Никогда никакая система, какую бы архитектуру она ни воплощала, при отсутствии обратной связи не будет жизнеспособной. И,

боюсь, «руины» высшего отечественного образования будут (и уже становятся) впечатляющими.

Итак, о коррекции поведения «управляющей системы», т.е. лиц, принимающих решения, не приходится говорить вообще. Нас, рядовых членов ППС, просто никто не слышит. Спасибо еще, что дают площадку поговорить, но перед какой аудиторией мы сейчас выступаем? Друг перед другом. Какие же следуют выводы?

Первый вывод: в нашем Отечестве фактически узаконен отказ от модели гумбольдтовского университета. Эта модель была традиционной для всех здесь сидящих. Российские университеты создавались, работали и всегда сознавали себя как центры национальной культуры. В этом была наша гордость, в этом была наша миссия. ППС, согласно этой традиции, носитель идеологии Просвещения, а теперь мы оказались в среде совсем другой идеологии и должны отчитываться перед носителями иных взглядов.

Вывод второй: принятие модели университета как бизнес-корпорации – это феномен «догоняющего развития». Никогда этот путь к добру не приводил. Университет Запада (к тому же разный в разных регионах) завтра данную модель откорректирует и будет развиваться, а мы снова будем догонять и воплощать в жизнь «новенькую» модель. Это тупик, это серьезнейшая социальная опасность.

Отмечу в этом контексте еще одну деталь. Очевидно, что не сделано ничего для того, чтобы обеспечить нормальную стипендию студентам. А как я, преподаватель, могу с него требовать, если он должен зарабатывать? Это просто какая-то подлость по отношению к сегодняшнему поколению, когда с полной серьезностью сверху заявляют: «Всегда, при всех режимах, студенты работали». Да не работали, а подрабатывали! Разница существенная.

А вот недавно у меня на лекциях был соискатель, с которым мы потом разгово-

рились. Молодой человек закончил отделение РГГУ, которое расположено в подмосковном Домодедово. А «Домодедово» — это, как вы понимаете, не просто территория Подмосковья, это подлинная бизнес-корпорация. Чтобы обеспечить аэропорт кадрами, корпорация создала свой вуз, который ежегодно набирает студентов. Все они (кроме двоечников) обеспечены стипендией. Как вы думаете, каков ее размер? Сколько нужно нашим министрам доказывать, что стипендия должна быть такой, чтобы на нее можно было прожить? Стипендия там 15 тысяч рублей в месяц. Да, выпускник потом должен пять лет отработать по полученной специальности в аэропорту. Но никаких нищенских 1200 рублей или — о, вдруг! — 2000, которые, быть может, когда-нибудь последуют от нашего Министерства образования и науки. Нет, корпорация решила: 15 тысяч рублей в месяц — с тем чтобы молодые люди могли спокойно и ответственно учиться. Когда за такие дела берутся настоящие бизнесмены, вопрос решается быстро и просто.

Вывод третий: что означает предлагаемый насильственный перевод наших российских университетов и вузов в целом в бизнес-контекст? Мы переходим к новым языкам, к другому дискурсу, в котором должен осмысливаться российский университет в целом и его миссия. Давайте вслушаемся в этот язык. Университет — это *бизнес-корпорация*, учебный план — это *бизнес-план*, научный журнал — это *бизнес-проект* (Вот как! Научный журнал всегда числился в графе «планово-убыточный»). Студенты — это *клиенты*, образование в принципе — *сфера услуг*, а ППС — *обслуживающий персонал*. К чему это приводит и приведет?

Прежде всего — к полному разрушению этического контекста, образовательного этоса. Образование всегда считалось сферой *производства*, а не сферой услуг. Действительно, в вузах происходит *образование людей*. Студент, между прочим, тоже

полностью теряет ориентиры: если он заплатил деньги, то должен получить в вузе услуги; при этом ему сообщают, что он — клиент, который, как известно, «всегда прав». Уже сегодня мы наблюдаем соответствующее поведение. А это страшная опасность именно в плане производства так называемого *человеческого капитала*.

Скажите на милость, каким образом вы сможете «клиенту» поставить неудовлетворительную оценку? Это какой-то парадокс, если «клиент всегда прав»! Образование, приобретаемое в таком «клиенто-ориентированном» контексте, становится крайне недоброкачественным. Об этом даже страшно подумать. Бизнес-мировоззрение инженерных вузов, которые должны обеспечить оказание услуг своим весьма капризным клиентам, — это в дальнейшем падающие самолеты, рухнувшие мосты, обрушение крыш, исчезающие в никуда спутники ГЛОНАСС. Даже страшно подумать о медицинских вузах... Иногда благодаришь Бога за то, что преподаешь гуманитарные предметы! Ну что особенного случится, если в результате обучения получится плохой политолог или социолог!.. Но потом наш «клиент», что вполне вероятно, станет управленцем и будет проводить соответствующую государственную политику в сфере здравоохранения, образования и науки.

Когда ты, преподаватель, принимаешь зачет, экзамен или рецензируешь дипломную работу, то испытываешь крайне неприятное ощущение, как будто ты сам в качестве контролера ОТК ставишь знак приемки на заведомо некачественную продукцию. Это морально страшно, когда осознаешь, что вся ситуация в целом — подлинная угроза национальной безопасности. И враг тут не внешний, а внутренний. И мне очень хотелось бы хоть какими-то криками привлечь к таким проводимым реформам и намеченным трендам общественное внимание.

Я страстно хочу спросить у авторов образовательной реформы: «Вы действительно

но этого хотите?!» Неужели эти последствия нельзя предвидеть и надо ждать, пока неминуемые беды и горести не заставят нас изменить курс развития российского университета?

В.А. Зернов: Добрый день, уважаемые коллеги. Спасибо огромное, что получил приглашение участвовать в столь интересном диспуте. Евгению Николаевичу особое спасибо за доклад, но не могу согласиться с его основным выводом, что наши тренды соответствуют мировым: они прямо противоположны. Вот когда мы с Василием Максимилиановичем были на зальцбургских семинарах — тогда только зарождались мировые рейтинги, — в топовой части этих рейтингов были десятки наших вузов, сейчас только два. Хотя один из федеральных или исследовательских вузов туда попадает? Нет. А сколько у нас на скамейке запасных из инновационных, федеральных и прочих? Единицы. Вот кто мне объяснит, почему бывшая небольшая часть Российской империи под названием Финляндия имеет шесть вузов в Шанхайском рейтинге и скамейка запасных у них намного длиннее нашей? По моему мнению, те критерии, по которым мы оцениваем наши вузы, полностью противоречат тем, по которым вузы оцениваются в мире. Более того, они просто вредны, поскольку тормозят развитие научно-инновационной и образовательной среды в стране. Мы можем сколько угодно говорить об успехах, но посмотрите, где успехи? Успехи в одном — в финансировании высшей школы. Да, оно очень хорошее, просто замечательное, но где же инновационная отдача?

По поводу стипендии. Лично я вообще против каких-либо стипендий, нет в мире стипендий давным-давно. Ни в республике Корея, ни в Японии нет такого понятия, но есть социальная стипендия. Давайте ее платить. Зачем мы будем платить 2000 руб. детям или внукам олигархов? Ну, кто мне это объяснит? Это что — социальная спра-

ведливость? И сколько процентов студентов получают стипендию? Меньше 20% всех обучающихся. Что мы о них все время говорим? Давайте сходим в Российский Союз студентов и послушаем их. Что им интересно? Они ответят: малые инновационные предприятия при вузах.

Я закончил Московский Физтех, и у меня много друзей по всему миру, лидеров научной мысли. Могу сказать, что практически нет ведущего университета Европы, где бы не было кого-то из нашего комитета комсомола. Они говорят, что с трудом понимают тех, кто здесь остался. Почему? На всех конференциях соотечественников наши лидеры говорят об освоенных ресурсах. На скромные вопросы из зала: «Сколько у вас патентов и сколько денег от патентов вы получаете?» — ректоры ведущих вузов отвечают: «Мы такой мелочью не интересуемся».

Следующий вопрос — как мы выбираем лидеров. Где критерии, по которым выбираются ведущие университеты — федеральные, исследовательские, любые другие? Наше предложение очень простое. Попадание на скамейку запасных Шанхайского рейтинга — это и есть заявка на вхождение в исследовательский университет. Вот это и есть мировой тренд. Так во всем мире, так в Китае. Не выполнил условия — плати денежки, как за банковский кредит. И никак по-другому. Не получили результатов, которые обещали, — рассмотрение на коллегии Министерства на соответствие званию лидера: почему не выполнили, что и как.

Что касается зарплаты профессуры. Да, наверное, она у нас недостаточная. Что говорят наши соотечественники? В университете они получают одну треть, а то и одну четверть. Остальное платят корпорации — за научную работу. Это мировая практика. Давайте посмотрим, сколько у нас в стране научных школ, у которых индекс цитируемости ну хотя бы выше десяти, и сколько этих школ в ведущих университетах. По любым меркам, очень мало, и в первую очередь надо поддерживать их.

Еще раз подчеркиваю: определение лидеров должно проходить по четким критериям. Тогда мы поймем, что скамейка запасных у нас должна быть как минимум в 10 раз длиннее. Скамейка запасных – это статьи, которые опубликованы в ведущих журналах и т.д. У нас есть несколько десятков федеральных, исследовательских и прочих университетов. Давайте посмотрим на них с точки зрения академического (Шанхайского) рейтинга: кто из них попадет на скамейку запасных? В топовую часть, как вы знаете, никто не попадает. Не публикуют? Не верю, сам проверял, публикуют и неплохо публикуют, когда есть что публиковать.

Получается, что на первое место у нас все-таки выходит эффективность использования ресурсов. У нас что – плохая материальная база в университетах? Отнюдь. Приведу пример. Конгресс соотечественников, Казань, замечательный вуз, замечательный город. Но ведь не смогли же в федеральном университете организовать трансляцию в прямом эфире! Хотя уже 15 лет это ведущий вуз в области IT-технологий. Выступает профессор Казанского университета, девушка математик, которая сейчас работает в Массачусетсе, и говорит: «Да, Россия стала лидером по количеству закупленного и неустановленного научного оборудования». Если так дело дальше пойдет, к чему мы придем? Сегодня ситуация не такая уж и плачевная с точки зрения финансирования, но серьезной отдачи мы пока не видим.

Ярчайший пример. Польская высшая школа никогда не занимала ведущих позиций в мире. Никогда! Посмотрите теперь на Шанхайский рейтинг. Количество их вузов и наших полностью совпадает, но у них скамейка запасных длиннее нашей во много раз. Мы с вами прекрасно знаем, что такое Польша и где поляки получали образование. Почему так? Они вовремя создали конкурентную среду и активно ее продвигают. Мои предложения. Первое: мы должны

полностью соответствовать мировым трендам. Второе: рейтинг вуза мы должны определять не по рецептам глубокоуважаемого академика, а по четким критериям, которые соответствуют мировым трендам.

Посмотрите, коллеги: нет такой проблемы в мире, где бы наши не были ведущими. Кто мне объяснит, почему в мире каждая четвертая инновация из России, а вклад инновационной составляющей у нас самый низкий не только в Европе, но и в странах БРИК? В чем причина? Причина, вероятно, в отсутствии мотивированности и в низкой эффективности использования ресурсов, а ресурсов у нас сейчас, с точки зрения наших коллег из-за рубежа, вполне достаточно. Но я оптимист. Кто бы что ни говорил, потенциал у нас колоссально высокий, а вот как правильно его использовать – давайте думать.

Как пример. Квантовый компьютер пока могут создать только наши выпускники, только те, кого подготовил великий и могучий Советский Союз. Но почему этот проект не поддерживается – для меня это великая загадка. Если его сделать, мы бы от

него получили ресурсов, может быть, даже больше, чем от экспорта углеводородов.

Н.И. Кузнецова: Друзья, дискуссия вроде бы завязалась. Слово предоставляется *Порусу Владимиру Натановичу*, представителю Высшей школы экономики, действующему профессору и заведующему кафедрой.

В.Н. Порус: После книги Ридингса «классический университет» в нашем сознании уже постоянно лежит в руинах. Однако бывают такие руины, к которым стекаются массы людей только для того, чтобы посмотреть на них: руины Парфенона или Колизея — это вечные культурные ценности. А вот нынешнее университетское образование (я говорю о нашей стране, хотя это можно во многом отнести и к другим «цивилизованным странам») я бы сравнил не с руинами, а со строительной площадкой, на которой царит прямо-таки хаос. Еще не расчищены развалины старых сооружений, а уже строят: неизвестно кто, неизвестно что и неизвестно зачем. Крышу возводят раньше фундамента или ресторан с кегельбаном строят раньше лабораторий (в некоторых кампусах).

Современный университет (не всегда понятно, что это такое, но можно принять, что речь идет о «массовом университете», который начал распространяться в странах Европы в 40–60-х гг. XX в., в отличие от «элитарного», следовавшего гумбольдтовским идеалам) в России сейчас представляет собой скорее не исторически значимые и дорогие сердцу культурного человека руины, а скорее вот эту самую хаотическую стройплощадку. И более всего этот хаос заметен, когда мы говорим о системе целеполагания высшего образования. Ну, признаемся честно, знаем ли мы в точности, какова цель университетского образования в России? Хотя об этих целях очень много и напыщенно говорят и пишут. Кое-что было сказано коллегами и на нашем совещании.

Ну да, традиция в том, что целями университета считаются распространение знаний, научные исследования и поддержка культуры. Считаются. Так говорят и пишут. Но ведь все эти три цели в настоящее время носят лишь декларативный характер. Мой коллега профессор Зернов говорит о том, что нет отдачи от ресурсов. Я согласен. Правда, более привычны жалобы на то, что этих ресурсов слишком мало. Конечно, мало, кто бы спорил (особенно, если сравнивать с университетами США или Старой Европы). Но представим такую волшебную ситуацию: вдруг на нашу университетскую систему сегодня или завтра прольется (из рога изобилия, разумеется) денежный дождь, финансирование увеличится, скажем, в пять или десять раз (мечтать, так мечтать!). Я бы остерегся утверждать, что после этого наша российская университетская наука немедленно выйдет на передовые позиции в мире. Прямое увеличение финансирования — это не живая вода, которая из мертвого сделает живого. Тот университет, какой у нас сейчас есть, просто всосет эти деньги, как иссушенная почва пустыни — внезапный дождик, а плодородного оазиса не получится, ведь надо еще эту почву «окультурить», надо вложить в нее большой труд. И вот здесь вопрос: ясны ли цели этого труда?

Я, по крайней мере, такой ясности не имею. На мой взгляд, система целеполагания в сфере высшего, в том числе и в первую очередь университетского, образования безнадежно обветшала и утратила связь с реальностью. И система в целом, и каждый ее элемент тоже. Является ли целью современного университета в России — быть культурообразующим центром? Я говорю не о декларациях и лозунгах, а о реальном положении дел. Ответ будет расплывчатым, если он будет честным. А цель человека, получающего университетское образование, — в чем она? Было время, когда университетский диплом открывал передним профессиональную перспективу, она же становилась его

жизненным путем. Не всегда, не везде и не для каждого это было так, но все же было в очень многих случаях. И уж во всяком случае, эти перспективы почти всегда были связаны со своей страной. Сегодня, если кто-то кое-где у нас порой получает хорошее (более-менее) образование, применение своим профессиональным знаниям он (она) могут найти за рубежом, но крайне редко определят для себя карьерный профессиональный путь в России. Когда же уезжают лучшие, то дело даже не в том, что остаются худшие, это бы еще полбеда, но падает планка успеха, снижается общий уровень образования и научной работы. Кстати, из этих оставшихся потом формируются и преподавательские, и исследовательские кадры университетов. Теперь давайте увеличим им ассигнования. Повысится ли при этом их потенциал? Я уже не говорю об умопомрачительном бюрократизме, о морях бессмысленных бумаг, затопляющих ростки инициативной деятельности в сфере преподавания и сфере научного исследования. Так стоит ли удивляться тому, что отдача от повышения уровня финансирования не будет желаемой?

Я недавно побывал на острове Русском, что близ Владивостока. Там строят циклопический по масштабам кампус Дальневосточного федерального университета. В зале заседаний Ученого совета можно будет разъезжать на автомобиле. Я спросил у местных ученых: «Есть надежда на то, что в этом зале будут звучать эпохальные научные доклады?» Они тонко улыбнулись.

Не хотелось бы продолжать плач Ярославны. Но наметить оптимистический сценарий развития российского университета я, к сожалению, сейчас не могу. Такими сценариями у нас, в Высшей школе экономики, занимаются блестящие специалисты. Но уверенности в том, что из этого получится что-то реальное, лично у меня нет. Хаос целей настолько велик, что внести в него какой-то осязаемый порядок и установить хотя бы примерную разумную стратегию развития университета в нашей стране сейчас, на мой взгляд, не представляется возможным. Внимание и научного сообщества, и тех, кто принимает властные решения, пока сосредоточено на вопросах финансирования: оно у нас нищенское или пока достаточное? Одни говорят, что достаточное, но почему-то не дает отдачи, а другие – что его надо многократно увеличить. Но я думаю, что дело совсем не только в деньгах. Университет сейчас в нашей стране утратил свою культуuroобразующую функцию. Вот это трагедия, которая, может быть, имеет гораздо более тяжелые последствия, чем размывание научных школ, устаревание научного оборудования и т.д. и т.п.

М.Б. Сапунов: Спасибо. Слово предоставляется известному методологу образования, академику РАО *Новикову Александру Михайловичу*.

А.М. Новиков: Во-первых, хотелось бы поблагодарить Евгения Николаевича Ивахненко за очень интересный доклад. Уверяю вас, если вуз, университет откажется от безусловно основной – культуuroобразую-

щей – функции, то человечество просто придет к гибели, потому что образование – это единственный канал трансляции культуры. Если культура развиваться не будет, то все эти бизнес-корпорации и прочее – это гибель человечества. Между прочим, Запад туда и идет.

Но я хочу сказать о другом. 20-летие журнала «Высшее образование в России» совпало с 20-летием новой России. Так что можно уже подводить итоги того, что нам дала новая организация высшей школы. Считайте, что первые выпускники, которые поступили в новых условиях, уже окончили вузы, сейчас им под 40, это уже зрелые люди. Интересно, что из них получилось. И вузы между собой можно сравнивать по этому показателю. Что получилось и что получается?

Первое – что нам дала университизация высшей школы? Для России традиционными были специализированные вузы: инженерные, медицинские, текстильные, полиграфические. Что дала университизация? Был ли это тот путь или не тот? Я далек от оценки. Я не знаю, но этим надо заниматься. И я бы предложил журналу заняться вот этим сравнением. Представьте себе про-

фильный медицинский вуз и медицинский факультет в классическом университете, а таких теперь уже много.

Второе – государственные и негосударственные вузы. Кто сравнивал эффективность их деятельности? Не по чиновничьим оценкам, а по выпускникам. Как устроилась профессиональная карьера у выпускников государственных и негосударственных вузов? Есть о чем говорить.

Третье – мы сломя голову перешли на бакалавриат и магистратуру. Никто не задумался, что это не в логике традиций и т.д. и т.п. Уже можно подводить итоги: что дал этот переход? Как устраиваются на работу бакалавры? Как они выглядят по сравнению со специалистами? Не пора ли нам вернуть специалитет как традиционную отечественную практику? Пусть остается бакалавриат, пусть остается магистратура. Но как только мы вернем специалитет, ситуация прояснится: молодежь покажет, куда она пойдет.

Б.И. Пружинин: Я хочу сказать несколько слов. В качестве редактора журнала я знакоюсь с многочисленными, но самое главное – очень разными текстами по поводу западных трендов. И очень часто обнаруживаю, что когда в этих текстах предлагают срочно догнать и укоренить у нас то, что происходит на Западе, как правило, упускают из виду наличие на Западе весьма различных тенденций и идей, их борьбу, их столкновение. Когда догоняешь – в спину смотришь, а хорошо бы в лицо заглянуть. У них проблемы – они пытаются их решить. А нам бы разглядеть наши проблемы и осмыслить их. Конечно же, осмыслить не без обращения к их идеям, но именно осмыслить, а не копировать. Повторю: у них очень разные тренды, в частности, в сфере образовательных реформ. Приведу пример. В июне 2011 г. Министерство бизнеса, инноваций и квалификаций публикует Белую книгу, где речь идет о реформе, фактически превращающей университеты в корпо-

Уважаемые коллеги!

Примите самые теплые поздравления по случаю двадцатилетия журнала «Высшее образование в России»!

Ваш журнал, издающийся с 1992 года, стал наиболее авторитетным печатным изданием сферы образования в России, широко и объективно освещающим проблемы высшей профессиональной школы, работу высших учебных заведений, вузовских общественных организаций. а страницах журнала находят отражение мнения ректоров, ведущих работников сферы образования, известных политиков, аналитиков и экспертов. Информационно-аналитические, проблемные и дискуссионные материалы в полной мере соответствуют задачам стратегического развития российского профессионального образования, модернизации инженерного образования.

Журнал стал, по существу, творческой площадкой университетского сообщества для широкого обмена мнениями, опытом и достижениями, обсуждения актуальных проблем профессионального образования, поиска путей и средств, направленных на развитие подготовки инженерных и научных кадров для модернизации и инновационного развития страны. Многие начинания, новые идеи в высшей школе находили свое развитие и поддержку на страницах Вашего журнала, успешно претворялись в жизнь.

Ассоциация технических университетов, высшие учебные заведения, входящие в ее состав считают одной из своих приоритетных задач тесное сотрудничество с журналом, используя его трибуну для выражения и отстаивания интересов университетского сообщества, пропаганды передового опыта подготовки кадров, совершенствования учебной, научной, инновационной вузовской деятельности. Высокий научный уровень журнала определяется творческим наполнением статей и публикаций, приводимых на его страницах, квалификацией авторского коллектива и составом редакционной коллегии.

Примите самые искренние сердечные поздравления коллективу редколлегии журнала «Высшее образование в России» и пожелания новых творческих успехов и удач во всех Ваших благородных делах и начинаниях во благо высшего образования в России.

**Президент Ассоциации
технических университетов,
академик РАН**

29 февраля 2012 года

И.Б. Федоров

ФГБОУ ВПО «КНИТУ» сердечно поздравляет коллектив журнала «Высшее образование в России» с двадцатилетием успешной просветительской деятельности. Созданный в 1992 г., в переломный для российской государственности и отечественного образования период, журнал сразу стал ареной обсуждения принципиальных для системы высшего образования вопросов и непростых дискуссий, а также изучение имеющегося здесь опыта. За прошедшие годы журнал по праву занял место одного из самых читаемых изданий. Его авторы, умело направляемые чуткой, но требовательной редакцией, внесли и вносят значительный вклад в непростое дело формирования современной образовательной ментальности руководителей вузов, преподавателей, сотрудников вузов и научных учреждений, всех неравнодушных к судьбам образования читателей.

Повседневная деятельность КНИТУ неразрывно связана с вашим журналом. На его страницах нашли отражение важнейшие события нашей истории, в нем фактически представлена хроника становления исследовательского университета нового типа, его рубрики стали школой мастерства для нескольких поколений аспирантов, а ученые КНИТУ апробировали на его страницах свои концепции и мировоззренческие идеи.

Мы искренне желаем всем создателям журнала творческого настроения, вдохновения, новых идей и верных авторов, сохранения того особого, уникально чуткого отношения ко всем, кто попадает в вашу орбиту, которое позволяет сохранить читательский интерес к вашему журналу и обеспечить дальнейшее развитие интеллектуального потенциала нации.

С наилучшими пожеланиями,
ректор

Г.С. Дьяконов

рации. Буквально через два месяца, в сентябре, сотни ученых и преподавателей подписали протест, и появляется альтернативная Белая книга, поднимается английская общественность. Они отстаивают роль университета как культурного центра. Идет довольно напряженная дискуссия. А мы ее учитываем? Мы ее оценили? Мы для себя выводы сделали? «Не попали мы в тренд». В какой тренд? Это на самом деле чрезвычайно серьезный вопрос. И именно вопрос!

Н.И. Кузнецова: Краткость – сестра таланта. А сейчас мы предоставляем слово профессору *Кирабаеву Нуру Сериковичу*, проректору РУДН.

Н.С. Кирабаев: Уважаемые коллеги, мне, действительно, хочется многое сказать.

Прежде всего – насчет бакалавров и магистров. Коллеги, у нас и Соловьев, и Трубецкие, и Челпанов, и многие другие выдающиеся деятели науки и культуры получали в царской России степени бакалавров и магистров, а специалитет – это ленинско-луначарская идея, чтобы вместо тех, кого отправили пароходом, подготовить кадры для поднятия советской промышленности. В этой системе подготовки

высококвалифицированных специалистов тоже есть плюсы, но и к традициям надо относиться аккуратно и бережно.

Действительно, изменения идут везде, особенно в области образования. Однако на Западе есть гражданское общество, и изменения идут в рамках этого гражданского общества. Конечно, со своими проблемами, но без потрясений и на основе соответствующих ценностей. А у нас его как такового нет. Поэтому мы живем эксплуатацией памяти прошлого, у нас сегодня нет социально-ценностной ориентации развития нашего общества. Поэтому очень трудно говорить о воспитании, о ценностях, которые мы должны формировать у молодежи. На что мы ориентируем студентов? У нас ни один руководитель страны не сказал, что «капитализм» – это то, что мы строим. А что мы строим? Говорят – социально-ориентированное государство, но что это такое? Принято считать, что университет – это центр образования, науки и культуры, а сегодня можно говорить о четвертой составляющей – инновации. Это новая и очень важная задача вузов, но мы должны помнить, что живем в конкретном обществе, что конкретное общество и развитие его экономики нуждаются в креативном потенциале вузов. Важно понять, что мы для этого можем сделать. Надо, вероятно, посмотреть и на себя с точки зрения развертывания различных общественно-образовательных трендов.

Далее. Мы должны все-таки понять, что в условиях массовизации образования высококачественная подготовка кадров – это огромная проблема. У нас сегодня прием в вузы в четыре раза больше, чем был в 1991 г. И у нас нет 100 МГУ или 100 МИФИ, чтобы обеспечить соответствующий уровень образования. Поэтому надо думать, что с этим делать. Вспомните 1990-е и 2000-е: готовим экономистов и юристов. Это спрос, а где предложение? Юристов выпускаем много, а хороших не хватает.

И следующее, насчет организации. Коллеги, вспомните выборы в МГУ в 1992 г.

Избираются Садовничий и Емельянов. Емельянова поддерживает Ельцин, а выигрывает В.А. Садовничий, которого поддержало академическое университетское сообщество. Мы получили первый и очень значимый пример того, как возможна академическая свобода. А сейчас — и это самое печальное — мы эту академическую свободу теряем. Этот момент мне хотелось бы отметить и с точки зрения организации, и с точки зрения содержания. Просто, когда говорят об отсутствии академического духа, о так называемой «макдоналдизации образования», нужно сознавать, что в этой ситуации многое зависит и от нас. Обратите внимание, что практически во всех вузах процент молодых преподавателей и ученых от 30 до 49 лет очень небольшой, максимум 30%. Значит, у нас сохранялся еще хороший опыт и традиции образования, которые следует поддерживать. При всех недостатках, в «советской школе» были огромные плюсы. Например, физматшколы, которых нигде в мире не было, и, соответственно, мы имели целую плеяду выдающихся ученых.

Нужно подчеркнуть, что отнюдь не все

лучшие кадры уехали из России. Многие остались, живут и работают в этих условиях. В том числе и потому, что Родину не выбирают. Большинство здесь присутствующих получили образование и воспитание в Советском Союзе, где образование было самой главной ценностью. Как результат, сегодня 80% родителей говорят, что детям надо дать высшее образование. Какое — неважно, но обязательно высшее.

Что планировалось сделать в 90-е годы? Вспомните первый Закон об образовании. Как его все восприняли? Ожиданий было много, но они не оправдались. Вместо того чтобы строить единое образовательное пространство снизу, мы его стали строить сверху. И что мы теперь хотим? Образовательные стандарты первого и второго поколения позволяли вузам самим выбирать траекторию образования. Не плодить людей, которые не могут найти себе работу по специальности, а все-таки ориентировать их на рынок труда. Сколько у нас перешло на бакалавров и магистров? 5–7% — это те, кто уже работал с ориентацией на международное образование. То есть давайте на себя сначала посмотрим, а то мы все время говорим, что начальник виноват.

И последнее. Время сейчас такое, что, наверное, надо научиться зарабатывать деньги. Потому что государственного финансирования на всех никогда не хватит. Что-то надо делать: либо всем уходить и образование разрушится, либо зарабатывать. А как зарабатывать? У нас появились новые субъекты образования. Кроме государства и студентов, у нас появились родители, появились заинтересованные организации. Мы можем сколько угодно ругать олигархов, но корпоративный университет Норникеля готовит кадры для себя, и готовит неплохо, с практикой на местах производства и по передовым технологиям. Посмотрите на Горный университет в Санкт-Петербурге. В самые тяжелые годы его ректор построил современное общежитие, на автобусах возил финнов и шведов,

обучал русскому языку, а аспирантов посылал в американские университеты на деньги университета, где они обучались новым технологиям. Сегодня это самый ведущий и самый востребованный университет. Так что нам надо навести ревизию, в первую очередь – в своем сообществе. Спасибо.

Н.И. Кузнецова: Я хочу немного заступиться за наших уехавших химиков. Не ценностные ориентации у них отсутствуют, а реактивы и современные лаборатории. Сколько моих молодых друзей, чтобы заниматься наукой, ради которой они и живут, вынуждены были уехать. Не только химики – и биологи, и физики... Все это связано с тем, что не на чем работать. И рад бы вернуться, только куда? Слово профессору Московского индустриального университета *Никольскому Владимиру Святославовичу*.

В.С. Никольский: Наша дискуссия показывает, что университет – это слепок эпохи, дитя своего времени. Не случайно мы начали с проблем финансовых, с разговора о том, почему преподаватели мало получают, а вузы недостаточно финансируются. Я рад, что тем не менее наша беседа подошла к вопросу о ценностях и целях университета. Об этом говорили Нур Серикович и Владимир Натанович. Университет, по моему убеждению, следует спасать не столько от внешней угрозы (в качестве которой часто называют министерство, вообще власть), сколько от нас самих – по той простой причине, что идея университета как центра культуры умирает именно в нас. Если мы обсуждаем в первую очередь вопросы денежные, то этим самым мы убиваем идею. Повышение зарплаты или ее снижение ни в коем случае не должны влиять на саму идею. Идеи не умирают в душах людей от недостаточного финансирования. Поэтому мы говорим о том, что университет Гумбольдта пока жив, и жив в нас са-

мих. Это было продемонстрировано сегодня словами уважаемой Наталии Ивановны о том, что преподаватель до сих пор сам определяет, что и как он будет говорить в студенческой аудитории. Это и есть академические свободы, и без них университет не смог бы существовать все эти сотни лет. Надо еще добавить, что мы действительно находимся в тисках некоей новой идеологии, я бы даже сказал – секты или церкви, которая поклоняется идее эффективности. Часто и нам говорят, и мы сами говорим, что нужно быть эффективными. Немногие понимают при этом, что это значит для науки и образования. В экономическом смысле эффективность – это максимальный эффект при наименьших затратах. При попытке ввести это понимание в сферу науки и образования мы получаем плагиат, потому что эффективнее всего – украсть: меньше всего затрат и максимальный результат (у ученого растет рейтинг и прочая и прочая). Соответственно, идеология рынка может негативно влиять на самосознание ученых. Когда мы уличаем студентов или когда мы замечаем, что наши коллеги позволяют себе плагиат, мы должны пони-

мать, что это отражение общих социальных условий. Именно с этого я начал свое выступление: университет – это слепок общества, и все те проблемы, которые есть в нем, есть и внутри наших университетов. Спасибо.

Н.И. Кузнецова: Мы приглашаем присоединиться к нашей дискуссии профессора *Долженко Олега Владимировича*, которого все мы помним как главного редактора “Alma mater” («Вестника высшей школы»).

О.В. Долженко: В своей недавно вышедшей книге «Университет в точке Омега» я попытался, хотя и частично, представить свои взгляды на судьбы развития образования в современном мире. К чему сводится суть моей позиции? Сегодня мы переживаем особую бифуркационную точку в истории образования: сложившаяся образовательная практика не допускает своего продолжения в будущее даже в модернизированном виде. В известном смысле речь можно вести о революции – о революции, которая радикально изменит наши представления о сущности образования в свете вызовов нынешнего времени. О каких вызовах идет речь? Ограничусь тремя.

Первый связан с глобальными проблемами современности, которые можно рассматривать в качестве системообразующих факторов новой системы образования. Кому-то мои последующие утверждения покажутся странными, однако я полагаю, что сам процесс глобализации не связан с поиском единой, так сказать, глобальной модели образования для всех времен и народов. Напротив, поиск путей разрешения глобальных проблем предполагает выход на систему социокультурного образования. Культура же, как условие продуктивного существования человека, воспроизводится в «точке», что предполагает регионализацию систем образования, учитывающую культурные и социальные характеристики человека, проживающего здесь и сейчас.

Вторая группа вызовов связана с особенностями переживаемого периода. В первую очередь я имею в виду резко возросшие темпы перемен в жизни общества, которые делают традиционную образовательную практику, связанную с трансляцией уже известного знания, крайне неэффективной. Речь идет о переходе от парадигмы овладения знаниями к парадигме, ориентированной на понимание, порождение собственного знания, укорененного в самом образе жизни человека. Во многом это напоминает технологию деятельности ученого. В число вызовов этой группы я бы включил и влияние современных ИКТ на интеллектуальную деятельность человека. Интернет – это благо, но в определенных условиях бескрайнее информационное поле, доступное каждому, таит в себе серьезные угрозы самой интеллектуальной деятельности человека. Всемирная сеть предполагает определенный уровень готовности человека работать в хаотично организованном информационном пространстве.

К сказанному тесно примыкает вопрос об особенностях жизни человека в условиях современной техносферы (именно как сферы), отчуждающей его от естественной среды обитания. Думается, здесь опять же вполне уместно задаться вопросом о влиянии техносферы на интеллектуальный и культурный потенциал человека. По-видимому, речь идет о необходимости разработки новых технологий интеллектуальной и практической деятельности.

Кстати, стремительные и все время возрастающие темпы перемен подталкивают к мысли, что в современной системе образования особое внимание должно быть уделено наиболее стабильным характеристикам человека, в частности ценностям, способностям, связанным с осознанием вызовов, их трансформацией в проблемы и, конечно же, с овладением навыками, позволяющими их разрешать. Речь также идет о необходимости формирования навыков сложного мышления, за которым

стоит отказ от традиционной практики в пользу широко понимаемого системного подхода, проникнутого идеей всеобщей связи. Это направление сегодня представлено многочисленными работами ученых. Во многом идея формирования навыков сложного мышления связана с формированием знаниево-деятельностной картины мира.

Третий вызов касается декларируемой ценности образования с точки зрения становления общества, основу экономики которого образует знание («знаниевая» экономика). Если знание обретает характеристики своего рода капитала, то актуальной становится задача развития у человека таких качеств, которые представляют составляющие такого капитала – физического, социального, культурного...

А теперь обратимся к возможному будущему образования – к новой системе образования, которая охватывает все основные периоды жизни человека и в рамках которой разговор следует вести не столько о системе непрерывного образования (это уже вчерашний день!), сколько о системе распределенного образования, ориентированного на все группы населения. Так, у меня большие сомнения, что в условиях становления «знаниевой» экономики, вхождения человечества в эпоху антропоцена, предполагающую поиск новых форм описания и интерпретации происходящего в мире, оправданно развивать платное образование...

Особенно актуальна такая постановка вопроса для обществ, которые еще недавно жили в условиях авторитарных и тоталитарных режимов. Понимаю, что у многих это вызовет отторжение, однако скажу так: мы слишком много говорим о том, что должно быть, но крайне мало, особенно при проведении педагогических исследований, о том, с каким человеком мы реально имеем дело. Каковы его социальные и культурные характеристики? К какой эпохе он принадлежит?

Исторический путь России таков, что в нем доминирует тип культуры, в котором налицо склонность к авторитаризму, а потому, к чему бы мы ни стремились, мы всегда возвращаемся к авторитаризму и идеологическому тоталитаризму. Практически ни один общественный институт, действовавший на территории бывшего СССР, не изменился: в самих организационно-структурных решениях и социальных технологиях в них представлен своего рода генотип авторитаризма. Подобные организационно-управленческие структуры и решения доминируют и в системе образования, что создает условия для воспроизводства менталитета тоталитарных и авторитарных обществ. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать позиции профессора и студента, которые ныне вынуждены жить и работать в условиях жесткого административного пресса. Когда в системе образования сохраняются старые организационно-структурные решения, у нее нет и не может быть будущего. В лучшем случае она станет эффективной школой дрессуры и воспитания конформизма, но в таких условиях невозможно воспитать свободного человека.

Реформа образования – ключ к буду-

щему России. Мне представляется, что современная трансформация российского общества должна опираться в первую очередь на формирование новой системы образования, ориентированной в будущее, на человека, а не на стандарты и разного рода «указивки» и интеллектуальные извращения начальствующих дилетантов от образования. Социокультурное пространство будущей России во многом будет изоморфно характеристикам социокультурного пространства системы образования. Руководителям системы образования и образовательных учреждений давно пора бы понять, что альтернативой современному образованию может быть только хаос и бессмысленные бунты.

Новый мир требует нового человека. Именно в переломные моменты серьезные подвижки возникали и в истории образования. Например, новые формы образовательной деятельности и новые модели университетского образования. Тот университет, с которым мы имеем дело сегодня, прошел очень сложный путь развития: возникнув по преимуществу как теологический, в эпоху реформации он становится университетом, проникнутым идеями гуманизма.

Эпоха Просвещения привела к возникновению нового университета, ориентированного на научное знание. А далее он как бы сопровождал линию развития технологий, принимая участие, в частности, в промышленной революции, положившей начало научно-технической, научно-технологической, а на современном этапе — социально-технологической революции. Последний этап, востребующий уже сущностные характеристики человека, знаменует выход университета на стадию, которую можно было бы назвать контрреволюцией

в образовании: самоценность человека просматривается здесь только через призму его утилитарной полезности.

В этой рубежной точке мы ныне и находимся. Причем тот мир, который определяет наше будущее, принципиальным образом не выводится из недавнего прошлого. Университет и система традиционного научного знания прошли полный цикл развития. Мы на пороге... Чего? Может быть, Нового Средневековья? Не придется ли нам снова вернуться к истокам, но уже с другим опытом?.. Не стоит ли более внимательно проанализировать жизнь университета с момента его возникновения и вплоть до наших дней? И даже (о, ужас!) снова повести речь о теологии (конечно, не в вульгарно осуждающем стиле). Теология во многом повлияла на становление системы гуманитарного и естественно-научного знания. То, о чем я говорю, едва ли попадает в разряд клерикальности и тем более не связано с оправданием введения курса «Основы православной культуры». Речь идет о том, что мы стоим перед загадкой. Перед нами совершенно новый, непонятный и в чем-то даже пугающий мир, который бросил

нам вызов и, подобно дремучему лесу, в котором мы заплутались, наблюдает за нами и выжидательно молчит... Так что современную теологию, как и футурологию, правильнее понимать через призму отношения человека к миру, который заключает в себе некую тайну и загадку и требует от каждого из нас сопереживания и сочувственного понимания.

Образование сегодня – альтернатива революции: или качество человека будет адекватно тем процессам, которые протекают в обществе, или общество взорвется. Важно понять, что мы оказались в точке бифуркации, связанной с возвратом в прошлое. Вадим Рабинович когда-то сказал: «Давайте посмотрим на прошлое как на возможное будущее». И в этом есть свой смысл: не воспроизводить прошлое, а посмотреть на него как на то, что открывает путь в будущее. Такова, как мне представляется, сегодня основная философская и методологическая линия осмысления состояния современного образования.

И последнее. Во все времена ведущей задачей университета была подготовка и воспитание Учителей, способных служить делу университета – познанию мира. Какой преподаватель – таков и университет. Униженный преподаватель способен воспитать только такого же ученика!

Сегодня положение преподавателя высшей школы – хуже некуда. А значит, и будущее российского университета в ближайшей перспективе выглядит непривлекательно. До чего же все-таки мы привыкли жить в условиях платоновского «котлована», не заботясь о человеке, не замечая день сегодняшний, якобы во имя будущего... Для россиян вообще характерно страдательно думать о том прошлом, которого не было, и жить с мыслью о будущем, которого, по определению, быть не может. А как было бы хорошо, если бы мы научились уделять внимание тому, что свершается на наших глазах, здесь и сейчас...

Продолжение следует.

